

как вместе с напарником грабил беспечно спящих пассажиров поезда, сложивших свои вещи на верхние багажные полки. Они перебегали по крышам вагонов и через открытые окна вытаскивали особыми крючками мешки и чемоданы. При этом один лежал на крыше, а другой держал его за ноги, потом они оба спрыгивали на ходу с добычей.

Помкомвзвода старший сержант Ковтун и старшина батареи Мынтяк имели образование 5 классов. Они чувствовали свою ущербность в этом отношении и всякий раз нам об этом напоминали. Старшина, выдавая обмундирование, «нечаянно» давал один сапог 42-го размера, а другой – 41-го. А на жалобу солдата, что «нога не влезит», говорил, что у того ноги разные или упрекал, как же он не видел, что на одном – 42, а на другом – 41: «А еще грамотные, 10 классов кончили». Старшина на вечерней поверке говорил: «Что вы спёте в строю?» А младший сержант в воскресенье объявлял: «Сегодня полы будут мыть все, за исключением никого!»

Война с Финляндией показала нашу неподготовленность, и поэтому когда нас призвали в армию в октябре 40-го года, были введены новые порядки: ужесточилась дисциплина, увольнительные в город давались только отличникам боевой и политической подготовки, а я таковым, например, не являлся, поэтому и в городе Коростене ни разу побывать мне не довелось.

Раз в неделю у нас был «сухой паек». Утром в столовой давали черпак сухой пшеничной каши, сухари и чай, в обед – «суп-пюре гороховый» – безвкусный клейстер, пшеничную кашу, а на ужин – то же, что и на завтрак.

В шесть утра объявлялся «подъем». Нужно было одеться и встать в строй без гимнастерок и головных уборов за одну минуту. На это ушло несколько воскресений тренировки. Только и слышно было: «Подъем!», «Отбой!»